

событиях Гражданской войны; потом, попав в плен, живет под чужим именем, попадает в ГУЛАГ, проходит через Отечественную войну — и все это вспоминает уже в глубокой старости, в эмиграции осмысливая свой — и в чем-то общероссийский — жизненный путь. Фрагменты романа опубликованы в 2002 (Звезда. № 9).

Публикация произведений С. нередко становилась заметным явлением в лит-ре, вызвала живой отклик читателей, интерес независимой критики, хотя официальные оценки были сдержанными.

Впрочем, в годы наступивших перемен конца века С. получил возможность более живых и открытых встреч со своими читателями — и в России, и за рубежом (поездки в Германию и Польшу); он бывал избран делегатом съездов писателей.

Полное и глубокое представление о творческом облике писателя, о его месте в лит-ре XX в. станет возможным лишь после выхода собр. его соч. Это дело будущего.

Соч.: Перекресток: роман. Л., 1962 и др.; Тьма в полдень: роман. Л., 1968 и др.; Сладостно и почетно: роман. Л., 1985 и др.; Ничего кроме надежды: роман. СПб., 2000; Джоанна Аларика: повесть. Л., 1959 и др.; У черты заката: роман. Л., 1961, и др.; Ступи за ограду: роман. Л., 1965 и др.; Киммерийское лето: роман. Л., 1978, и др.; Южный крест: роман. 1980 и др.; Пантократор: повесть. СПб., 1991; Государева крестница: роман. СПб., 1998; Не подводя итогов // Звезда. 2001. № 9.

Лит.: Почему мы вернулись на Родину. Свидетельства реэмигрантов: сб. [О Ю. Слепухине. С. 10]. М.: Прогресс, 1983; Новиков А. От заката — к рассвету: [Предисл.] // Слепухин Ю. У черты заката. Ступи за ограду. Л., 1980; Хватов А. Верность родным началом: [послесловие] // Южный крест: роман. М., 1982; Лавров В. О прошлом и настоящем. Журнальное обозрение // Ленинградская правда. 1985. 28 апр.; Солоухин Н. «Сладостно и почетно» // Невская заря. 1986. 15 янв.; Лурье С. О доброте и человечности // Ленинградская правда. 1986. 21 янв.; Скобелев Э. Спасение — в правде; Панкин А. Ответственность; Соломон Норман. Гласность нужна всем: [Отклики на статью Ю. Слепухина «Верим ли мы в реальность угрозы?»] // Век XX и мир. 1987. № 4; Куницын Г. Не вина, а беда: [по поводу статьи Ю. Слепухина «Трагедия народа: вина или беда?»] // Советская культура. 1989. 7 нояб.; Памяти Юрия Григорьевича Слепухина // Всеволжские вести. 1998. 28 авг.; Боярунас И. Мой Слепухин // Питербоок. 1999. № 2; Кралин М. Окончание тетралогии // Питербоок. 2000. № 6; Акимов В. Непрощаемая вина войны // С.-Петербургские ведомости. 2001. 22 июня.

В. М. Акимов

П. В. Слётов

СЛЁТОВ Петр Владимирович (настоящая фамилия Кудрявцев) [21.4(3.5).1897, Влоцлавек Варшавской губ.— 7.8.1981, Москва] — писатель, критик.

С. родился в семье служащих, где был силен дух народничества; в отрочестве зачитывался Пушкиным, Гоголем, французской лит-рой, Диккенсом, Эдгаром По и О. Уайльдом. Сначала будущий писатель учился в Петроградском политехникуме, где слушал лекции не только по статистике и экономике, но и философии (лектором был С. Л. Франк). В 1918 С. поступил в Саратовский ун-т, отслужив в армии в дни Первой мировой войны. Из всех предметов университетского курса С. предпочитал лекции В. М. Жирмунского по лит-ре и лекции С. Л. Франка по психологии. А в Московском ун-те, куда С. попал уже после того, как отслужил в Красной Армии, охотнее всего посещал лекции поэта-символиста В. Брюсова.

Хотя С. начал писать и печататься довольно рано, в 1919, критики заговорили о нем только после появления повести «Прорыв» (1928). Посвященная Гражданской войне, она удивляла читателей новым характером главного героя — Стомарова — человека сильного, эгоцентричного, самонадеянного, проповедующего идеи бонапартизма. Следующая повесть «Смелый аргонавт» (1929) продолжила и развила эту тему. Ди-

намично начало повести: «Это было в городе Санкт-Петербурге. Это было на Забалканском, в бильярдной...» Но с первых страниц повествования становится ясно, что игра киём и ее средоточие — бильярдная — это иносказательная форма отражения сложных общественных процессов. Камерная повесть, как в осколке зеркала, отразила историю нескольких катастрофических лет России — революцию и Гражданскую войну. В этом произведении проявилась удивительная способность писателя прессовать время и отражать события мира в емких метафорах; особого значения полны в повести ее устойчивые образы: бильярдная как целостный мир; культ движения, наполняющийся новым смыслом; и главное — образ смелого аргонавта, именно так называли в бильярдной главного героя Диму Итякова за его бесстрашие, жажду борьбы и риска. В основе повести тема противостояния артистической личности, обладающей неведомой другим внутренней свободой, творческим даром, самоотдачей духа, и расчетливого, корыстного мира бильярдных игроков, видящих в игре не призвание, но профессию, и лучше всего изучивших ее коммерческую сторону. Но замкнутый, закрытый от реальной жизни и исторических бурь мир бильярдной тяготит Диму, поиски путей к преодолению душевного разлада выводят его на улицу в дни революции. Но у него нет понимания ни реального смысла закруживших его событий, ни исторических сил, совершающих революцию. Дима Итяков представляет настроение тех слоев предреволюционной интеллигенции, которым свой собственный духовный разброд казался самым страшным недугом и которые надеялись: сильная власть все разрешит. Мн. писателям тех лет с романтическим отношением к революции казалось: придет момент, когда мир вымысла и фантазии станет реальностью. С. же показал в «Смелом аргонaute» скрытые, негативные потенции «подросткового романтизма», как он его называл: идеализацию истории, грех умозрительности. Метафора движения многократно проходит через повесть. Для Димы движение — абстракция, народ — абстракция и цель — абстракция. И потому он, захваченный революционной стихией, просит винтовку у белого офицера и стреляет в красноармейца. Он остается индивидуалистом, абстрактным романтиком, исповедующим власть силы, и потому, ощутив власть и силу, через минуту Дима стреляет из ружья в белого полковника и падает, насмерть сраженный его последней пулей. «Русская интеллигенция,— пишет С.,— в дни великого соци-

ального перелома нередко воображала себя судьей происходившего, будучи на самом деле младенчески наивной, неопытной в столкновениях огромных человеческих масс. Дима Итяков — это символ романтических побуждений, нежизненных по самой своей природе».

В книгах С. есть удивительная особенность: писатель предлагает читателю широкий спектр несхожих взглядов — на искусство, на мастерство, на окружающую действительность. С. не боится несовпадения мнений, которые исповедуют его герои, он верит, что главное — не внешняя тема, а тема внутренняя, прочувствованная и продуманная автором и героями. Поэтому каждая книга С. вовлекалась в острейшую схватку идей своего времени и превращалась в книгу-диспут. Так случилось с повестью «**Мастерство**» (1929), которая по выходе из печати была воспринята большинством критиков как программное произведение лит. группы «Перевал». С. был активным участником этой группы, которая включала в себя известных писателей (И. Катаев, Н. Зарудный), критиков (А. Лежнев, Д. Горбов). Духовным лидером ее был широко известный в 1920-е критик А. Воронский. Перевальцы воспринимали революцию как новый Ренессанс, в их глазах революция должна была стать интенсивным духовным движением, охватывающим «всю общественность и весь внутренний мир человека» (Д. Горбов); они выступали против «бескрылого бытовизма», выдвигая в качестве главного эстетического принципа — принцип искренности и органического творчества. В повести С. «Мастерство» перевальцы уловили идею самоотдачи духа, апофеоз свободного дара, противопоставленного агрессивному невежеству, и толковали смысл произведения как повторение в новой форме коллизии «Моцарт и Сальери».

В 1920-е С. привлекла история революционной Франции. Как-то случайно, в развале библиотеки бывшей Николаевской военной академии, писатель нашел то, что давно знал по каталогам: бюллетени генерала Бонапарта, которые отмечали прохождение войск революционной французской армии через Северную Италию, в том числе и через Кремону, в которой разворачивается действие повести «Мастерство». Повесть написана как исповедь Мартино бездарного и фанатичного человека, погубившего из зависти к таланту своего учителя, скрипичного мастера Луиджи; в повести наряду с голосом рассказывающего свою историю Мартино, звучит свободный творческий голос Луиджи. Устами Лу-

иджи писатель разворачивает своеобразную творческую концепцию: пафос жизни художника — самоотдача духа, созидание нравственных ценностей. В отличие от Луиджи Мартино холодно-рассудочен, смысл обучения искусству построения скрипок он видит в овладении секретами ремесла, в приобретении богатства; алчно всматривается он в работу учителя, подсчитывает деньги, но истинных скрипок создать не может. Стремительно развивается в повести конфликт Луиджи и Мартино, долго нарастающее отчуждение учителя и ученика кончается попыткой Мартино убить Луиджи. Этот момент — кульминация повести, но не ее финал; герои обретают свою вторую жизнь: один — участь преступника, другой — судьбу мученика. Поднятая писателем тема была значительной, серьезной, не узко эстетической. В трагической истории художника Луиджи, одаренного способностью творить жизнь и за это ослепленного и уничтоженного своим бездарным учеником, был сокрыт конфликт свободного творческого дара и сухой рассудочности. Два нравственно-эстетических полюса «Мартино — Луиджи» позволили автору создать сложную картину мира, где в постоянном столкновении находятся две силы — энергия свободного творчества жизни и силы энтропии, стремящиеся уничтожить саму жизнь.

В 1930 был опубликован роман С. «**Заштатная республика**», главная тема которого — становление революционной власти в уездной русской провинции. Как и в предшествующих своих произведениях, С. актуализирует не внешне-событийный аспект революции, а стремится «показать революционное сознание на основном материале художественной литературы, а таковым являются массы психологических представлений» (П. Слетов). Начало романа — подробное описание тройки и главного героя — явно напоминает «Мертвые души» Гоголя, только в тарантасе сидит не Чичиков, а Аркадий Пальчиков, прохиндей и приспособленец, сын владельца ресторана, укравшийся во время революции в должности инструктора для проведения социализации земель. Не только герой, но и поле действия нового романа были неожиданны: обычный, уездный, заштатный город был избран автором для обозрения. И как ранее — в микромире бильярдной («Смелый аргонавт»), потом — в микромире феодальной Кремоны («Мастерство»), так и в камерном по сравнению с грандиозными историческими событиями Белоспасске отразился сложный опыт нео-

бозримой революции: борьба за власть, крах сепаратизма, установление новых гос. порядков, авантюризм и приспособленчество. В этом романе С. нет артистов, художников, музыкантов, но любимая тема С. — тема творчества — есть; она звучит в том «чувстве красоты жизни», которым наделяет белоспасских революционеров С. Своекорыстием и убогому расчету Аркадия Пальчикова и др. авантюристов С. противопоставляет всепобеждающую силу творчества, на этот раз — творчества новых форм жизни.

Перу С. также принадлежит и роман «**Равноденствие**» (1-я его часть была опубликована в ж. «Новый мир» в 1934, 2-я — закончена в 1975 и опубликована в 1980). Этот роман посвящен освоению месторождений нефти и строительству первых нефтепромыслов на Сахалине; работа первопроходцев-нефтяников в 1920-е, обстановка того времени, трудные условия, сложные отношения людей показаны в романе убедительно и ярко.

Нравственно-эстетической доминантой творчества С. во всех его разноплановых произведениях была мысль о наследовании культуры; писатель, как и его любимые герои, считал, что исторической преемственности подлежат не своекорыстие, а безграничная свобода творящего духа. Наследование культуры, по мысли писателя, неотделимо от умения «найти свое собственное понимание наилучшего звука». Этому убеждению С. был верен всегда, он выстрадал его своей жизнью, своими книгами, своей судьбой и этим заслужил право на то, чтобы в современных спорах о судьбах культуры читатель принял к размышлению и его точку зрения.

Соч.: Шаги времени. М., 1958; Беседы с начинающими писателями. М., 1958; Заштатная республика. М., 1977; Равноденствие. М., 1980.

Лит.: Лежнев А. Разговор в сердцах. М., 1930; Воронский А. Избранное. М., 1976.; Шешуков С. Неистовые ревнители. Из истории литературной борьбы 20-х годов. М., 1984; Белая Г. Дон-Кихоты 20-х годов («Перевал» и судьба его идей). М., 1989.

Л. В. Соколова

СЛОНИМСКИЙ Михаил Леонидович [20.7 (1.8).1897, Петербург — 8.10.1972, Ленинград] — прозаик.

«Вообще рода я интеллигентского — ученые, литераторы, музыканты», — сообщал С. в автобиографическом очерке (**О моей жизни и книгах** // Сов. писатели: Автобиографии. М., 1966. Т. III. С. 622). Действи-